

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКЕ «РАССУЖДЕНИЯ
О НЕПРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ»

В начале XX в. Е. С. Шумигорский обнаружил в фондах бывшего Государственного архива ряд документов, заинтересовавших его причастностью к Павлу I, над биографией которого ученый тогда работал. Поскольку документы были связаны с главным объектом его исследования лишь побочно, Шумигорский опубликовал их без развернутых комментариев в приложении к своей монографии¹ в следующем порядке:

1. Письмо графа Петра Панина от 1 октября 1784 г. Павлу I, в котором сообщалось, что отправитель пересылает наследнику престола «рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», написанное, по словам П. И. Панина, его покойным братом Никитой Ивановичем Паниным, и собственное отправителя «прибавление о всем том, что мнилось иметь полезным Отечеству нашему фундаментальные права» (Прилож. Шум. С. 2—3).

2. «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непременных государственных законах» (Прилож. Шум. С. 4—13). Данный документ автором биографии Павла I не датирован.

3. «Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти Министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не прменяемые на все времена никакою властью» (Прилож. Шум. С. 13—20). Документ имеет датировку: «Сочинено в селе Дугине, 1784 года, в месяце сентябре».

По названным тремя документами приложение Шумигорского не завершается. За ними следуют еще три документа:

4. «Письмо к наследнику престола для поднесения при законном вступлении его на престол» (Прилож. Шум. С. 20—22). Письмо не датировано. В нем разъясняется, что это сопроводительная записка к документам № 1 и № 2.

5. «№ 1-й. Формы манифесту, какой рассуждается, не может ли быть угоден к изданию при законном по предопределению Божескому возшествию на престол наследника» (Прилож. Шум. С. 22—32). Документ имеет датировку: «Сочинено в 1784 году».

6. «№ 2-й. Есть либ возможно было при вступлении во власти Божией на Всероссийский престол наследника испросить о пожаловании свое Отечество на первый случай хотя только семью

¹ Шумигорский Е. С. Император Павел I: Жизнь и царствование. СПб., 1907. Приложение. с. 1—35 отдельной пагинации. — Далее ссылки на данный петочник даются в тексте сокращенно: Прилож. Шум.

написанными здесь статьями, то об оных сим представляется форма манифесту», и далее при небольшой преамбуле даются упомянутые выше семь статей. Завершается манифест датировкой: «Положен на бумаге генералом графом Паниным в 1784-м году в декабре месяце в Москве» (Прилож. Шум. С. 35).

У найденных Е. С. Шумигорским документов оказалась страшная судьба. Все они вплоть до недавнего времени оставались в небрежении, и лишь один подвергся пристальному изучению исследователей — это широко известное ныне публицистическое произведение, публиковавшееся в разное время под разными названиями. Впервые оно было обнародовано А. И. Герценом в 1861 г. во втором выпуске издания «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне» под заглавием «О праве государственном Фон-Визина». Публикации было предпослано предисловие Герцена, рассказавшего апокрифическую версию о заговоре против Екатерины II в 1773 г. в пользу Павла I группы влиятельных высокопоставленных лиц во главе с братьями Паниными. Автором версии о заговоре, как выяснилось позже, был племянник Д. И. Фонвизина декабрист М. А. Фонвизин. Легенда М. А. Фонвизина, отразившаяся в его «Записках», была обнародована в 1884 г.²

В советское время Л. Б. Светлов обнаружил еще один список документа, хранившийся в Центральном государственном архиве древних актов.³ Очевидно, это была одна из рукописных копий, опять-таки с копий, принадлежавшей М. А. Фонвизину. Свою находку Л. Б. Светлов опубликовал в книге «Избранные сочинения и письма» Д. И. Фонвизина (М., 1946) под названием «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления». Под тем же названием произведение еще раз увидело свет в 1951 г., в 1-м томе «Русской прозы XVIII века».

В 1954 г. появилось исследование К. В. Пигарева о Д. И. Фонвизине. В нем была предпринята аргументированная попытка отслонить истинное от ложного. К этому глубокому исследованию мы обратимся несколько позже. Пока отметим, что после работы К. В. Пигарева документ публикуется чаще всего под другим названием — «Рассуждение о непременных государственных законах».⁴ Нетрудно заметить, что последнее название соответствует заглавию опубликованного Е. С. Шумигорским документа, идущего непосредственно после первого письма П. И. Панина.

К. В. Пигарев, справедливо критикуя своих предшественников, заметил: «Рассуждение Фонвизина» обычно изучается в отрыве от сопровождающих его документов. Между тем последние

² Русская старина. 1884. № 4. С. 60—63.

³ ЦГАДА, разр. А. I, д. 17.

⁴ См.: *Фонвизин Д. И.* Избранное: Стихотворения; Комедии; Сатирическая проза и публицистика; Автобиографическая проза; Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Стенника. М., 1983. С. 231—242.

существенно важны для уяснения его содержания». ⁵ Однако сам исследователь основное внимание сосредоточил все-таки на «Рассуждении о непременных государственных законах». Поскольку наблюдения К. В. Пигарева и поныне являются последним словом науки, обратимся к основным положениям исследователя.

Назвав «Рассуждение» «чрезвычайно любопытным политическим документом» (с. 134), Пигарев относит время его создания «к концу 1782—началу 1783 г.» (там же). Такая датировка базируется, по мнению исследователя, на том, что оно «написано в последний год жизни Н. И. Панина, то есть в 1782—1783 гг.» (с. 136). Далее ход рассуждений К. В. Пигарева таков: «По свидетельству Н. И. Панина (имеется в виду сопроводительное письмо П. И. Панина, опубликованное Е. С. Шумигорским на первом месте. — *Г. Л.*), его брат считал „долгом своим примыслить <...> форму государственного правления и фундаментальные законы, свойственные существительному положению и правам обитателей отечества своего“. В самом „Рассуждении“ содержится намек на то, что оно, действительно, мыслилось как своего рода „введение“ к проекту государственных преобразований: „При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание“. Тут же, на полях, рукою Н. И. Панина помечено, что смерть помешала его брату составить это „начертание“. Сохранившееся „Рассуждение“ является, таким образом, лишь первой частью предпринятого им труда и писано Фонвизиним по указаниям Н. И. Панина» (с. 136).

Попытался проследить Пигарев и судьбу панинско-фонвизинских документов. Отмечая, что время вручения бумаг Павлу «неизвестно», исследователь пишет: «По-видимому, после смерти Н. И. Панина (1789 г. — *Г. Л.*) пакет с „Рассуждением“ и приложенными к нему дополнениями попал снова в руки Фонвизина. Имеются сведения, что этот пакет был дан им на хранение жене петербургского губернского прокурора Музыревской, которая должна была своевременно передать его „императору“ Павлу, — следовательно, после вступления Павла на престол. Поручение было выполнено, за что Музыревской была „пожалована пенсия“». ⁶ В 1831 г. Николай I нашел эти бумаги в секретном ящичке бюро своего отца и передал в Государственный архив в запечатанном конверте с надписью: «Хранить не распечатывая без собственноручного высочайшего повеления» (с. 136). Коснулся Пигарев и содержания других документов. Отметив, что «письмо Н. Панина к Павлу проникнуто верноподданнической тенденцией» (с. 137), исследователь остановился на характеристике «Прибавления к рассуждению, оставшемуся после смерти министра

⁵ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 137. — Далее при ссылках на эту работу страницы указываются в тексте.

⁶ Здесь у К. В. Пигарева имеется ссылка на кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века / Сост. В. И. Семеvский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905. Т. 1. С. 8.

графа Панина, сочиненного генералом графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, непрменяемые на все времена никакой властью» (см. Прилож. Шум. С. 13—20). Анализ этого документа привел Пигарева к следующему выводу: «Характерно, что взгляд Паниных на Екатерину как на узурпатора власти, которая должна бы принадлежать Павлу, заставляет их относить к первоочередным и важнейшим „фундаментальным“ законам установление единого права престолонаследия, с предпочтением „мужской персоны и колена пред женской“, и узаконение возраста вступления на престол и опеки над несовершеннолетним монархом. Прогрессивны по своему смыслу пункты, касающиеся контроля над расходом государственных средств монархом (Панины предлагали выделить из государственного бюджета определенную сумму на содержание членов царствующего дома) и введения гласности судопроизводства для людей всякого звания» (с. 138). Пигарев справедливо замечает, что, судя по документу, «об упразднении крепостного права Панины не думали» (там же). «Что касается „формы правления“, — указывает исследователь, — то для наблюдения за неизбежностью „фундаментальных законов“ Панины предлагали учредить „главное государственное присутственное место“ < . . . >. Это главное присутственное место должно было подчиняться Министерскому совету» (с. 139). Убедительно суждение Пигарева «о дворянско-сословном характере» составленного П. Паниным «Манифеста будущего императора, возвещающего о введении в России „фундаментальных законов“» (там же).

Из всего комплекса документов исследователь выделяет, как мы сказали выше, «Рассуждение о непрменных государственных законах». Назвав его «выдающимся памятником русской политической публицистики XVIII в.» (с. 147), Пигарев особое внимание уделяет проблеме его атрибуции. Для него несомненно, что *написано* произведение Фонвизиним. Аргументы здесь таковы: «То, что оно именно написано им (Фонвизиним. — Г. Л.), а не *записано* (курсив мой. — Г. Л.) под диктовку Н. Панина, подтверждается самим П. Паниным. По его словам, диктовка утомляла Н. Панина, тогда уже больного (он умер 31 марта 1783 г.), и „Рассуждение“ написано Фонвизиним по его указаниям — „из преподаваемых словесно только покойным назнаменованый“. В этом убеждает и сравнение данного произведения с документами, принадлежащими перу Н. Панина. Так писать Панин не мог. Но это не значит, что в „Рассуждении“ нельзя найти следов сделанных им словесных „назнаменованый“. Однако Фонвизин сумел облечь мысли Панина в яркую литературную форму, благодаря которой это „введение“ к ненаписанному проекту государственных преобразований, достаточно умеренных по своему содержанию, приобретает вполне самостоятельное значение — значение страстного памфлета на екатерининскую империю» (с. 139—140). Понятно особое внимание, уделяемое Пигаревым

«Рассуждению», поскольку «при всей умеренности, ограниченности и противоречивости общественно-политических взглядов писателя, нашедших отражение в этом трактате и не идущих далее абстрактно-просветительских идеалов, „Рассуждение“ сыграло определенную роль в истории русского политического свободомыслия» (с. 147).

Несмотря на стройность суждений Пигарева и о «Рассуждении» и о других документах, которые он вполне справедливо рассматривает как единое целое, его трактовка нуждается в некоторых коррективах. Эти уточнения заставляют сделать один из документов, обнаруженный автором настоящей работы в Центральном государственном историческом архиве СССР. Хранится документ в составе папки, озаглавленной: «О бумагах, оставшихся после государственного канцлера князя Кочубея, представленных государю императору, и врученный его величеством князю Кочубею, написанный в 1785-м году проект манифеста на случай возшествия на царство наследника престола».⁷ В папке содержится сам «Проект манифеста» (л. 1—11 отд. пагинации) и сопровождающие его бумаги. И «Проект», и бумаги завернуты в отдельный ненумерованный лист. На этом листе есть текст, из которого явствует, что «Проект манифеста» был обнаружен после смерти канцлера Кочубея в 1834 г. в его архиве.⁸ Составители описи бумаг Кочубея сочли обнаруженный ими «Проект манифеста» настолько важным, что решили доложить о находке Николаю I. Здесь же поясняется, что «Проект» был вручен ранее Кочубею лично императором. Далее следует л. 1, содержащий «Опись делу о бумагах, оставшихся после государственного канцлера князя Кочубея. . .», где под номером 1 значится «. . . докладная записка статс-секретаря Танеева от 27 ноября 1834 г. с представлением тех дел и проекта того манифеста, на которой государь император изволил означить карандашом собственноручно 1-го декабря 1834-го года, в С. Петербурге, следующую <. . .> резолюцию: „Хранить вложенное дело у нас в канцелярии“». На л. 2, об. имеются сведения о том, что именно письмо П. И. Панина «к императору Павлу I-му 1784 года», которое предваряло «Проект», было передано ранее графу Васильчикову. Последний передал его Николаю I. Таким образом, «Опись» разъясняет, почему «Проект» оказался отторгнутым от других документов, опубликованных позднее Е. С. Шумигорским.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 14Б. См. Приложение.

⁸ Князь Виктор Павлович Кочубей (11 ноября 1768—3 июня 1834) с середины 20-х гг. XIX в. был в числе самых приближенных к императору Николаю I лиц. Отдав в молодости дань передовой просветительской идеологии, он в николаевское царствование оказался одним из творцов и самых рьяных апологетов проводимой самодержавием в жизнь реакционной доктрины «православия, самодержавия, народности». Близостью к императору и объясняется передача Кочубею Николаем I столь секретного документа, каким был в начале 30-х гг. XIX в. «Проект манифеста». Сведения о Кочубее см.: Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. С. 366—382.

Сравнение обнаруженного «Проекта» с публикацией Шумигорского показало, что он соответствует документу «Формы манифесту, какой разсуждается. . .» (Прилож. Шум. С. 22—32). При детальном текстологическом сравнении обоих документов обнаружилось до ста разночтений — от незначительных до весьма существенных. Поскольку автором архивного документа мог быть П. И. Панин, было предпринято сравнение почерков обнаруженного «Проекта» с почерком П. И. Панина. В фондах Центрального государственного архива древних актов было отобрано два хозяйственных распоряжения П. И. Панина, близких по дате написания (один датирован 14 января 1784 г., второй — 19 октября 1783 г.),⁹ оба распоряжения написаны собственноручно П. И. Паниным и снабжены его подписью. Сравнение показало полную идентичность почерков. Таким образом, автором «Проекта» был П. И. Панин. Обнаруженный «Проект» оказался подлинником. В этом убеждает множество признаков: вставки, вымарывания, дописки.

Настораживало одно обстоятельство. Судя по всему, публикация Е. С. Шумигорского имеет более литературно обработанный характер. Таким образом, напрашивался вывод о ее более позднем, вторичном происхождении. Между тем у Шумигорского под документом указано: «Сочинено в 1784 году». Датировка архивной находки иная: «Сочинено в 1785-м году». Предположение о возможной опiske отпадает: архивный документ написан на бумаге, изготовленной в 1784 г. на рольной фабрике Демиды Мещанинова.¹⁰ Как известно, в XVIII в. бумага, прежде чем попасть на рынок, около года отбеливалась. Таким образом, датировка архивного документа 1785 г. не вызывает сомнений.

Чем можно объяснить расхождение дат? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо пристальнее присмотреться к датировке всего комплекса бумаг, опубликованных Е. С. Шумигорским. Прежде всего выясняется, что по датам они распадаются на две группы. В первую входят три документа:

1. Письмо П. И. Панина от 1 октября 1784 г.

2. «Рассуждение о неперемных государственных законах», не имеющее датировки.

3. Прибавление П. И. Панина о фундаментальных правах, с развернутой датировкой: «Сочинено в селе Дугине, 1784 года, в месяце сентябре».

Вторая группа тоже состоит из трех документов:

1. Записка П. И. Панина, озаглавленная у Шумигорского так: «Письмо к наследнику престола для поднесения при законном вступлении его на престол». Хотя письмо не датировано, но, поскольку оно является сопроводительным к двум другим доку-

⁹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 1077, л. 34, 55.

¹⁰ См.: Клепиков С. А. Филигранные и штамповые русские и иностранные произведения XVII — начала XX вв. М., 1978. С. 65, 227.

ментам. дату его написания можно установить по последнему документу данной группы — декабрь 1784 г.

2. Прибавление П. И. Панина, которое для удобства будем впоследствии обозначать кратко «Проект» Шум., чтобы отличать его от архивного «Проекта». У Шумигорского «Проект» Шум. датирован 1784 г.

3. Последний документ (условно назовем его «Форма манифесту») имеет у Шумигорского пространную датировку: «Положен на бумаге генералом графом Паниным в 1784-м году в декабре месяце в Москве».

Теперь вопрос с расхождением дат становится ясным. Объяснение здесь таково. П. И. Панин и, видимо, Д. И. Фонвизин изначально хотели вручить Павлу I первую группу документов. Шло время, удобного случая не находилось. За это время П. И. Панин пришел к выводу, что при вступлении на престол Павлу необходимо будет более обстоятельно обосновать свои права. Так родилась вторая группа документов. Но поскольку последний по статусу документ был датирован во второй группе декабрем 1784 г., пришлось дату предыдущего документа подгонять к «Форме манифесту». Отсюда и возник расплывчатый 1784 г. в документе, который на самом деле был написан в 1785 г. Спрашивается, столь ли существенно это расхождение дат? И зачем понадобилось П. И. Панину, известному своей честностью и неподкупностью, такое прегрешение против истины?

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, снова обратимся к датам документов. Обратим внимание, что везде, где под документами имеются даты, указываются, кроме одного случая, и месяцы, а то и числа. Исключение — все тот же «Проект манифеста» (или «Проект» Шум.).

Объяснение выявленной неувязки найти можно, если вспомнить об одном событии, случившемся в 1784 г.

25 июня названного года после тяжелой непродолжительной болезни (как пишется обычно в таких случаях) скончался очередной фаворит императрицы 26-летний Александр Дмитриевич Ланской. Эта смерть настолько потрясла 55-летнюю Екатерину II, что она, забросив все дела, удалилась сначала в Пеллу, а затем в Петергоф. Добровольное затворничество императрицы продолжалось более четырех месяцев. Подобное за все время ее царствования случилось впервые и никогда впоследствии не повторялось.

Какое-то время придворным удавалось скрывать отсутствие у кормила власти императрицы. Однако слухи об этом распространились по Петербургу, а затем докатились и до Москвы. Отсюда, на наш взгляд, и появилась первая дата на одном из комплекса датированных документов — сентябрь 1784 г. — время, когда императрица еще пребывала в меланхолии. Понятна и причина — оппозиция, особенно оппозиция пропавловской ориентации, не могла не воспрянуть духом при столь отрадном известии. К тому же в это время П. И. Панин серьезно болел и даже готовился к смерти.

Возврат императрицы к государственным делам тоже, разумеется, не мгновенно стал достоянием общественности. Но в конце концов и это известие дошло до П. И. Панина, который к тому же оправился от болезни. Пришлось задуматься о возможных последствиях уже совершенного. Оставалась, правда, еще надежда, что добровольное самоотстранение от власти у Екатерины II может повториться. Так появилась вторая группа документов. «Проект манифеста», таким образом, написанный в 1785 г., был сознательно передатирован минувшим годом. Это приближало время создания второй группы документов к первой — разница по времени между ними получалась всего в два месяца. Подобное объяснение выявляет и мотивы создания как первой, так и второй группы документов.

Из двух братьев только Никита Иванович Панин на протяжении многих лет был близок к Павлу. Еще при жизни Елизаветы Петровны он был назначен воспитателем наследника престола (1760 г.) и вплоть до 1781 г. был «своим человеком» при «малом дворе». Но и после 1781 г. Н. И. Панин не порывал связи с наследником — во время заграничной поездки великого князя он переписывался с цесаревичем. Более того, по свидетельству Д. И. Фонвизина, Н. И. Панин и «скончался при дражайшем своем питомце» (т. е. Павле I. — *Г. Л.*).¹¹ Иными словами, отношения Павла и Н. И. Панина, при всей близости, были еще и отношениями почти равных людей, и, таким образом, ссылка на Н. И. Панина служила удобным поводом для вручения документов Павлу. Кроме того, вне всяких сомнений, воспитатель и воспитанник обсуждали вопросы российского законодательства. Указание на работы, ведшиеся по данному поводу покойным Н. И. Паниным, не могло показаться Павлу неожиданным. Был и еще один мотив. Создание документов, особенно первой группы, было достаточно смелым шагом. Императрица была жива, ее реакция на подобный акт могла быть однозначной. Переадресовывая самый антиекатерининский документ «Рассуждение о непременных государственных законах» Н. И. Панину, Д. И. Фонвизин и П. И. Панин в значительной мере отводили от себя возможные репрессивные меры.

Теперь становится ясно, что П. И. Панин в письме Павлу от 1 октября 1784 г. не допустил описки, назвав наследника не «высочеством», а «величеством». И не расчетом на передачу документов в каком-то отдаленном будущем объяснялось обращение: «Ваше императорское величество». Наоборот — П. И. Панин стремился не опоздать, стремился передать документы именно в момент перехода престола к Павлу I.

Представляется, что высказанные выше соображения позволяют поставить вопрос об иной датировке «Рассуждения о непременных государственных законах» или, как его еще называют, «Завещания Панина». Ныне «Рассуждение» датируется либо

¹¹ Фонвизин Д. И. Избранное. С. 229.

1782—1783 гг. (К. В. Пигарев), либо 1781—1783 гг. (Н. Д. Кочеткова).¹² На наш взгляд, данное произведение было написано в период между концом июня и концом сентября 1784 г., т. е. в промежуток времени от смерти А. Д. Ланского (25 июня) до письма П. И. Панина от 1 октября 1784 г.

Можно еще более точно назвать вероятное время создания «Рассуждения». Видимо, Фонвизин написал его все-таки до отъезда из Петербурга за границу, т. е. между 25 июня и 18 июля 1784 г.¹³

Какие дополнительные аргументы можно привести в пользу передатировки? Из письма П. И. Панина известно, что «Рассуждение» было «писано рукою фон-Визина». Сообщает П. И. Панин и другие сведения. Оказывается, «Рассуждение» не только «писано рукою фон-Визина», оно к тому же еще и «черное», т. е. это был якобы черновик. И рука фон-Визина и черновик П. И. Паниным обосновываются: «Покойный брат мой (т. е. Н. И. Панин. — Г. Л.) лишился возможности употреблять собственную свою руку на долгое писание, да и голова его перестала уже выносить долгую тиктатуру. . .» (Прилож. Шум. С. 2).

Дополним приведенные выше аргументы свидетельством самого Д. И. Фонвизина. В «Жизни графа Никиты Ивановича Панина» Фонвизин так характеризует своего начальника: «В делах, требующих обстоятельного рассмотрения, он убегал скоропостижности, что и подавало случай обвинять его в медлительности. Нрав его и действительно удален был от всякой живости и от всякого пылкого движения».¹⁴ Итак, «медлительность», за которой скрывается широкоизвестная неприязнь Н. И. Панина к перу и бумаге. Отсутствие «пылкости» и «живости» — типичные свойства дипломата Н. И. Панина, соразмеряющего каждое свое слово, каждое высказывание с их возможными последствиями. Это с одной стороны. С другой же, — Фонвизин свидетельствует, что «на последних годах его жизни слабость здоровья, соединяясь с его положением, и совсем уклонила его от дел. . .»¹⁵ Иными словами, все обстоятельства говорят за то, что, во-первых, в последние годы жизни Н. И. Панин просто физически не мог заниматься напряженным умственным трудом, а во-вторых, написанное страстно, эмоционально «Рассуждение» по духу своему противоречило дипломатичности и осторожности натуры Н. И. Панина.

Кстати, на резкость критики, страстность обличений в «Рассуждении» обратил внимание советский исследователь Н. Я. Эй-

¹² См.: Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л., 1984. С. 136.

¹³ Из Риги чета Фонвизиных выехала «23 июня нашего стиля, в шесть часов после обеда» (см.: Сочинения Д. И. Фонвизина / Ред. А. И. Введенского. СПб., 1893. С. 366). Из Петербурга же в Ригу Фонвизин выехал «под вечер в воскресенье» (см.: Там же. С. 364). А это воскресенье и приходится на 18 июля 1784 г. (см.: Селешников С. И. История календаря и хронология. М., 1970. С. 201—202).

¹⁴ Фонвизин Д. И. Избранное. С. 228.

¹⁵ Там же.

дельман: «В этом выступлении немало антисамодержавного смысла, порой столь острого, смелого, что средства перехлестывали цель. Обличения деспотизма, тирании, фаворитизма выглядели куда более внушительно, чем аристократические формулы на знамени: ирония, протест, презрение, угрозы, даже ненависть к противнику столь плотны и основательны, что порой нелегко отличить их от обличений, имеющих иное происхождение».¹⁶

Подобная оценка — шаг к признанию «Рассуждения» не только как антиекатерининского памфлета. Это произведение — меткое и страстное разоблачение деспотизма в том смысле, как понимал деспотизм Монтескье. Заметим, что точно так охарактеризовал суть инвективы Фонвизина П. И. Панин, заметивший явно не по поводу своего «Прибавления», а по поводу «Рассуждения», что оно относится к роду сочинений «противу деспотизма» вообще.

К. В. Пигарев обоснованно усматривает в «Прибавлениях» П. И. Панина приверженность к принципу наследственной монархии. Критика Д. И. Фонвизиним в «Рассуждении» и характера антиекатерининского самовластия, и деспотизма вообще заставляет прийти к выводу о том, что и он, отвергая установившийся в России по существу принцип личной монархии, склонен видеть определенные преимущества в принципе монархии наследственной. Однако достижения просветительской мысли, которыми вполне владеет Д. И. Фонвизин, заставляют его сделать существенную оговорку: «Кто не знает, что все человеческия общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между Государем и подданными суть равным образом добровольныя; ибо не было еще на свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ей государем; и есть ли она без государя существовать может, а без нее Государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении Государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какой властью она Его облакает. Возможно ль же, чтоб нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государя делать неправосудие безотчетно» (Прилож. Шум. С. 7).

Думается, не только в теоретическом плане Фонвизин пришел к убеждению, что «нация» «без государя существовать может». На наш взгляд, эти строки писались в то время, когда «нация» практически обходилась без монарха.

Характерно, что Фонвизин не употребляет в данном случае общеславянского и исконно русского слова «народ», предпочитая ему восходящее к латинскому слово нация (natio). Дело в том, что, по сведениям «Словаря вхождений»,¹⁷ слово «нация» вошло в русскую речь двояким путем — оно было заимствовано и прямо

¹⁶ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и вольная печать. М., 1973. С. 123.

¹⁷ См.: Виржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 132.

из латинского языка, и через польское посредство. С последнего десятилетия XVII в. оно встречается в речи лиц из дипломатических кругов, владевших помимо русского польским или французским языками. Со второго десятилетия XVIII в. слово «нация» укореняется в языке русской дипломатии, администрации, науки, газет, художественной литературы. «Значение, — отмечает «Словарь вхождений», — парод, понимаемый то с точки зрения языковой, этнической (ср.: русская, шведская, французская нации), то с точки зрения принадлежности к какому-либо государству, стране (саксонская нация, московская нация, здешняя нация, фаворизированные нации). Последнее — повод для контекстных смещений в сторону значений: земля, государство, страна».¹⁸ Иными словами, в XVIII в. слово «нация», став полисемантическим, отражает в своей полисемии сословное представление о государствах и странах.

Именно в сословном значении, фиксирующем сложившуюся социальную структуру, и употребляет слово Фонвизин. Он еще находится в плену просветительских иллюзий, поскольку не отвергает в принципе просвещенного абсолютизма, давая развернутую оценку типа «просвещенного государя». Каким он видит такого монарха? «Державшийся правоты и кротости просвещенный государь не поколеблется ни когда в истинном своем величестве; ибо свойство правоты таково, что самое ея ни какия предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий, все на одной чреде стоят; — Добрый государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе» (Прилож. Шум. С. 8). Казалось бы, опять у Фонвизина возврат к еще в Петровское время выдвинутому тезису об «общей пользе»; снова возобновляемое требование к монарху быть образцом «чистой нравственности»; указание на необходимость честной службы государству, охраняемому вечными, «непременяемыми законами». Однако историческая дистанция позволяет автору «Рассуждения» увидеть противоречия в представлявшихся прежде столь строгими и незыблемыми понятиях. «Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезывать Его на досках и ставить в Управах; буде не врезано оно в сердце, то все Управы будут плохо управляться. Чтоб устроить правы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах» (Прилож. Шум. С. 12).

Как видим, для Фонвизина панацея от всех злоупотреблений и невзгод — «добрые правы». Нетрудно заметить, что идеи Фонвизина движутся теперь уже в явно намечившемся замкнутом кругу идеологии Просвещения. Так явственно намечается в России начало кризиса идей Просвещения. Ибо, с одной стороны, в это время происходит всплеск критики и отрицания действительности при стремлении сторонников Просвещения не ломать ради-

¹⁸ Там же.

кально сложившуюся структуру государства, а добиваться гармонии путем исправления нравов. С другой же стороны, явно девальвируется положительная часть программы просветителей. Это относится в первую очередь к теории «просвещенного абсолютизма».

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1-й. **Формы манифесту, какой разсуждаются, не может ли быть угоденъ к изданію при законномъ по предопредѣленію Божескому возшествіи на Престоль Наследника**

По обыкновенномъ титуле.

Призирающее всегда на Отечество Наше, а особливо при опасныхъ случаяхъ, милосердіе Всевышняго Творца соизволило Насъ какъ единой остатокъ уже крови, предъ определенный Святымъ Промысломъ Его ко обладанію Всероссійскаго Престола, возрастить со младенчества безъотлучно въ недрахъ нашего Отечества, сохранивъ чудесно отъ разныхъ бедственныхъ угрозъ, угодно стало Святой Его воле возвести Насъ на Прародительской Престоль, руководствуясь и к сему, что Мы, поелику созрѣвали в возрастѣ, потолику входило в Наше примечаніе и вниманіе все то, что отъ Царствованія незабвенной никогда памяти Покойного Прародителя Нашего Государя Петра Великаго, вовлечено зловреднаго во Отечество Наше, какими соблазнами и чьими похитительными алчностью отъ захватившихъ доверенности Государей своихъ возлоупотребительное самовластіе, и что оныя зловредности окоренились въ государствѣ до той степени, что большую часть сыновъ Россійскихъ совратили съ кореннаго Россіяновъ праводушія, прежде утвержденнаго на страхе Божескихъ естественныхъ и гражданскихъ законахъ, а развращеніемъ общаго благонравія низвергли всю святость законовъ частию въ неисполнительное ослабленіе, а частию въ совершенное поправленіе, предпочитая законамъ при всякихъ случаяхъ собственную каждаго корысть и домогательство до возвышенія въ чины недейтельными заслугами Отечеству и Государю, а ухищренными происками и угожденіями страстямъ и требованіямъ захватившихъ силу въ свое злоупотребленіе.

Мы взирая на все оное съ содраганіемъ сердца, но съ великодушною терпеливостію, соблюдали во всей неприкосновенности Заповѣди Божіи, законы естественные и гражданские и не позволяли Себе по тогдашнему Нашему природе и законами обязательству ничего, кроме единственнаго раздѣленія наичувствительнѣйшаго прискорбія со всеми теми усерднѣйшими и вернейшими детьми Отечества, которые съ похвальною твердостію душъ непопускали

прикасаться къ себе никакихъ соблазновъ на государственное уязвление но пребывая в безмолвии, не могли скрывать отъ Насъ оныхъ душевныхъ своихъ страданий.

Въ такомъ для Насъ тяжкомъ, но неизбежномъ положеніи, возносили Мы единственно ко Христу Спасителю благодарныя молитвы за сохранение милосерднымъ Его промысломъ Отечества и Насъ Самихъ при таковыхъ развращеніяхъ, обязываясь притомъ Нашими обетами, естли будетъ Святой Его воле угодно довести до Нашего обладания Всероссійскую Имперію, то да будетъ Нашимъ первымъ деяніемъ и непрменнымъ попеченіемъ истребить изъ Отечества Нашего внедрившіяся въ него все государственныя зловредности и развращеніе въ благонавіи, противныя закономъ Божественнымъ, естественнымъ и гражданскимъ, возстановляя и утверждая безъ всякаго лицепріятія всю силу законовъ и правоту естественную и гражданскую.

Достигнувши ныне до совершения надъ Нами милосердой воли Всевышняго Творца врученіемъ Намъ Прародительскаго Престола, принимаемъ теперь первую Нашею должностію произвести деятельно сделанные Нами предъ Творцомъ вселенной обеты; но нетъ отнюдь ни расположенія сердца, ни намеренія въ Насъ, что бь симъ исполненіемъ и однимъ изъ подданныхъ нашихъ и при всей справедливости могъ бы внезапно подведенъ подъ строгость законовъ безъ предварительнаго Нашего обще всехъ чрезъ сие увещанія и преподанія времени на исправленіе себя и на признаніе всякому вовлеченному в соблазны, противныя всемъ законамъ, истинной добродетели и правоте.

Приступая исполнять столь важный Нашъ предъ Творцомъ вселенной обеть и призывая на помощь Всемогущую Его Десницу, восхотели Мы первоначально следующими подъ симъ пунктами во всенародно какъ объявить, изъ какихъ непрменныхъ преположеніяхъ утвердились Мы обладать Богомъ врученною Намъ Имперіею и взыскивать неупустительно по законамъ исправленія предписанныхъ каждому должностей и безпорочности въ истинномъ благонавіи, такъ и увещевать о признаніи чистосердечномъ въ совестяхъ каждому и о исправленіи себя безъ упущенія времени во всемъ томъ, въ чемъ найдеть кто себя обличеннымъ противу пунктовъ здесь изображенныхъ, на которое исправленіе и даемъ Мы времени «   » месяцевъ отъ публикованія сего въ каждомъ месте, по минованіи которыхъ будутъ уже во всей своей силе и непрменности действовать Божескіе и государственныя законы надъ всеми обличающими въ государственныхъ зловредностяхъ и въ развращеніи общаго благонавія, утвержденнаго заповедьми господними и законами гражданскими.

П у н к т ы

1

Монаршая Наша Самодержавная воля и узаконение есть и всегда будетъ, дабы во всей Російской Имперіи любезнаго Отечества, каждой житель и никто вообще не дерзали отнюдь обнаруживаться не только деяніями, ниже и соблазнами противу заповедей Господнихъ, и противу догматовъ Господствующей и Нами исповедуемой Греческой Православной веры, и чтобъ все обитатели Російскіе содержали веры свои и исполняли по законамъ каждой во всей принадлежащей имъ святости, поступая и исполняя во всемъ должности и обязательства свои со страхомъ Божиимъ, съ безмолственнымъ повиновениемъ къ Его Святому Промыслу, съ любовью ко Отечеству, къ Государю и къ ближнему по гражданскимъ законамъ и по всей гражданской и естественной правоте.

2

Какъ гражданскія узаконенія не имеютъ конечно отъ своихъ законодателей ни какихъ отнюдь другихъ оснований и намерений, кроме гражданской и естественной правоты, утвержденныхъ единственно для истинныхъ вообще жизни, безопасности, верности, предохраненія и пользы каждому лицу и всемъ вообще, то и повелеваемъ Мы: во отправленіи всякихъ делъ и въ преподаваніи суда и расправы по присутственнымъ местамъ и при всякихъ чиноначальствахъ, въ случаяхъ иногда противуречныхъ указовъ и решительныхъ примерныхъ определений, хотябъ и Именныхъ, брать всегда къ решениямъ своимъ, но безпристрастно, точность правоты гражданской, то есть особое узаконеніе какъ въ гражданстве, такъ и въ войске, изданное не на одно отдѣленное лицо, но на всехъ вообще; а если на что и онаго въ законѣ не найдется, то брать къ решениямъ во основаніе единую, самую чистую, естественную истину, которая уже есть и всегда будетъ всемъ законамъ неперменное и точное предположеніе.

3

Объявля Мы здѣсь Нашу Монаршую волю и неперменное предположеніе о Царствованіи Нашемъ, подтверждаемъ благовременно всемъ и каждому любезнымъ сынамъ Нашего Отечества, осмотрясь въ совѣстяхъ чистосердечно, если кто найдетъ самъ себя въ чемъ обличеннымъ, тому раскаясь, да и всемъ вообще, запретить себе навсегда попускаться впередъ погрѣшать или развращать противу Нашей воли, предписанной здѣсь какъ въ первоначальныхъ, такъ во всехъ последующихъ пунктахъ.

Да сохраняется во всех случаях по самому чистосердечию и праводушию подданческая верность къ Государю и ко Отечеству, съ неприкосновенностию ни подь какими видами для собственныхъ корыстей и гнуснаго тщеславия къ расхищению государства, и ко введению примерами и развращениями зловредныхъ соблазновъ, противныхъ истиннамъ, добродетели, праводушию, благонравию и мере собственнымъ прожиткамъ противугодовыхъ доходовъ каждаго, ибо предъ Нашими глазами разточившие собственные имения и ввергшийся в раззорительные долги, лишаетъ сам себя полной государственной доверенности и повергается въ большое сомнение на корыстныя искушения.

Какъ истинная целость славы Государевой, безвредная навсегда прочность Отечества и безопасность состояния каждаго, утверждается и сохраняется особливо на томъ, чтоб все вступающие и избираемые лица въ государственное служение употребляли ревности свои съ чистосердечиемъ и безкорыстиемъ возвышаться въ чины деятельными трудами и заслугами, желая отличиваться одинъ другою трудами и способностями, въ раденияхъ къ истинной славе Государя и Отечества, и отвращаться всеми образами подлыхъ подслугъ въ личныя угодности для пропсковъ себе мездъ и чиновъ, куплею и предательствами ласкательствами съ пожертвованиемъ и собственного благороднаго любочестия.

То, во утверждение сего, Мы здесь Императорскимъ словомъ объявляемъ и обещаемъ, что къ Нашему благоволению и къ справедливымъ воздаяниямъ будутъ угодны только те достойныя дети и слуги Империи, которые будутъ отправлять государственное служение по установленнымъ каждому званию дорогамъ безъ пронырствъ и подлыхъ домогательствъ въ чины и къ местамъ тунедскимъ, неприличнымъ каждому по своей породе, все же пронырщики въ службѣ государственной и празднолюбцы въ разумении Нашемъ суть уничиженны и недостойны справедливыхъ въ чины возвышений и Монаршихъ награждений потому, что чины установлены для награждения трудовъ и заслугъ, а не ради испорчения службы и нерадения къ трудамъ.

Весь благоразумной светъ, да и Мы Сами признаемъ корпусъ благороднаго дворянства первымъ членомъ государства, подпорою и обороною Государя и Отечества отъ неприятелей внешнихъ и отъ случающихся внутреннихъ злодеевъ, а оборона Отечеству

надежнейшая утверждается военною службою, по государственнымъ же законамъ дворянство рождается къ приобретению себе наследства землями и подданными, а насупротивъ того прочихъ подданныхъ государству жребий приобретать и первоначальное себе пропитание трудами разныхъ промысловъ и работою собственныхъ рукъ, то и неоспоримо по всей справедливости корпусу дворянскому, по обязательству къ Государямъ и Отечеству за всегдашнее сохранение въ целости дворянскаго права и наследствамъ своимъ, принадлежитъ въ особенности и предпочтительнее всемъ прочимъ служение въ войске, обороняющемъ и ихъ собственное имяне.

8

По сей непреложной истинне, принятой во всемъ разумномъ свете, полагаемъ мы твердую надежду, и требуемъ, чтобы впередъ при воспитаніи всего дворянскаго въ Имперіи Нашей юношества, какъ въ собственныхъ домахъ, такъ и во всехъ государственныхъ училищахъ, прилагалось лучше прежняго стараніе вкоренять въ самые еще нежныя сердца дворянства главнымъ любочестіе къ истинной военной славе, то есть приобретаемой деятельною службою, а не чинами только, къ мужеству и къ храбрости, каковыми препохвальными качествами сыны Россійскаго дворянства издревле и по сие время знаменитейше прославлялись, и употребляли безъ малейшей утомленности въ военное служение все лета лучшей молодости и всю крепость здоровья своего, старясь всеми силами превосходить въ ономъ одинъ другаго и гнушась совершенно похизать и входить в те гражданскія службы, которыя отнюдь не свойственны не обороне, ниже и правленію государственныхъ делъ, а оставляются для государственныхъ прочихъ разночинцовъ!

9

Съ того времени, какъ Россійское дворянство получило по единому милосердію своего Монарха, драгоценнейшій всему своему корпусу даръ вольности со всею свободою вступать и не вступать въ службу Государя и Отечества, выходить и возвращаться въ оную по выгодамъ единственно собственно каждому и сколько можетъ обяызывать къ оному всякаго усердіе, можно было понадеяться, что влияние въ чувства благородныхъ сердець справедливаго къ тому признанія обяжетъ дворянство продолжать изъ особенной благодарности службу Государямъ и Отечеству ревнительней и неутомленней еще и предковъ своихъ; но кто изъ правомыслящихъ сыновъ Отечества не видитъ съ душевною прискорбною, что большая часть молодого дворянства покидаютъ службу въ самыхъ лучшихъ летахъ молодости и здоровья своего, а къ сугубой неблагодарности противу Отечества, и самые те, которые милосердымъ Монаршимъ попеченіемъ отъ самаго младенчества на коронномъ иждивеніи возвращены, обучены и офицерскими чинами награждены, да и те еще, кои не выходя почти

изъ домовъ семей своихъ пожалованы офицерами-же, выходятъ изъ службы, да и семьи ихъ къ себе принимаютъ безъ малаго зазора о томъ, что они ни малейшей заслуги Отечеству своему не сделали за толикие полученные отъ него себе милости.

10

Какъ представляется быть оному главною причиною первоначальное обрадованное движение къ воспользованию приобретенною вольностию, то Мы и надеемся, что по миновании уже первой запальчивости ко оной, все дворянство Россійское перестанетъ не чувствовать обязательства своего къ службе Государей и Отечества, оберегающей и ихъ собственную во всемъ целость и обратитъ свою ревность еще сугубей прежняго изъ новой благодарности за полученный даръ вольности и за воспитание весьма многихъ дворянскихъ детей почти отъ самого младенчества на иждивении Государственномъ, особливо есть ли въ семьяхъ и училищахъ станутъ при воспитании дворянскаго юношества предпочтительно многому прочему вкоренять в нежныя сердца любочестие къ истинной военной славе, къ мужеству и къ храбрости на подражание предковъ ихъ, прославляющихся сими препохвальными качествами издревле и до сего времени, и которыя превосходили одинъ другаго всею ревностию въ томъ, чтобъ лучшую свою молодость и здоровье употреблять въ военной службе, и покрытыми ранами никакъ ею не утомляться, а стыдиться до крайности похищать происками и вступать въ те государственныя службы, которыя не составляютъ ни обороны Отечества, ни государственнаго правления, следовательно и не свойственна совсемъ благородному дворянскому.

11

Не можемъ Мы проминовать и сего вкравшегося злоупотребления, что молодые люди, не отделенные еще отъ семей своихъ и не приобретши никакого себе собственного пропитания, покидая службы безъ позволения ни родителей, ни старшихъ имъ своихъ родственниковъ, возвращаются въ семьи свои на пропитание ко умножению въ оныхъ собственнаго отъ крайней бедности претерпения, но такихъ своевольствъ противу родителей, противу семей и противу старшихъ родственниковъ своихъ, не дозволяютъ отнюдь ни обязанность по крови, ни Божеские, ни Гражданские законы, да и Мы не только сие святое узаконение не отрешаемъ, но еще и возобновляемъ во всю его законную силу, съ темъ объяснениемъ, что изъ получающихъ пропитание свое изъ единаго жалованья, повинны изъ службы не выступать на чужой хлебъ, не приобретши собственно своего безъ благословения родителей.

Всякой правомыслящий человекъ не можетъ съ Нами не согласиться, что между худомыслящими Российскими сынами вкоренилась еще и сия зловредность, что дети, не вошедшие еще в указанный возрастъ, а хотя и вошедшие, но не отделенные отъ семей, или состоящие подъ опекунствами мужеска и женска пола, да къ пущему посрамлению и жены, живущия съ мужьями, скрытно отъ семейства и отъ начальства надъ собою, записываютъ деньги и забираютъ товары на вексели и на щеты, а купечество, промышленяющее беззаконными ухищрениями, даетъ на таковыя векселя имена свои изъ грабительныхъ процентовъ, либо для собственнаго воскорыствования, либо ради техъ, кто злоумышляетъ на переписываніе такихъ векселей и щетовъ изъ года в годъ до техъ поръ, пока умереть тотъ, изъ чьего имения наследуетъ такой векселедавецъ, следовательно весь въ томъ корыстной и проддержно-стой умыселъ, можно сказать проклятой, основывается на желаніяхъ скорейшей смерти темъ, после кого имеетъ наследство принять, и тому, отъ кого получены беззаконныя вексели и щеты, то Мы и объявляемъ, что оная окоренившаяся въ государстве Нашемъ беззаконнейшая зловредность, предъ справедливостию Нашею есть въ существе и формѣ самое воровство и измена притиву кровныхъ, надъ которыми при обличеніяхъ и будутъ действовать во всей строгости предписанныхъ законовъ за воровство и обманы.

Не могло же скрыться отъ Нашего примечанія, что не только разночинцы, но и знатное и многое дворянство, предавшись въ необузданныя и безпредельныя роскоши, сделались безчеловечными игроками, ищущими въ игрѣ не забавъ, но убивственнаго раззоренія, и не между собою только, но проискивая невиннейшую молодость, поставляли игры коммерческимъ промысломъ, а подобно тому и многое Российское купечество, отступая совсемъ отъ праводушія предковъ своихъ, следующихъ во всемъ страху Божию, позволило себѣ давать обыгранной молодости на вексели въ число денегъ товары за безсовестнейшія цены и проценты, подсылая въ то же время къ нимъ изъ сообщниковъ своихъ те-же самыя товары обращать къ себѣ за меньшія еще цены, да и при всякихъ купеческихъ торгахъ и промыслахъ попускаются возвышать цены не только на прихотныя вещи, но и на самое пропитаніе, до такой неумеренности, что бедныхъ людей, не возмогшихъ оныя платить, повергаютъ умирать съ голоду, а въ мерахъ и весахъ употребляютъ всякія наихищреннейшія обманы, того ради не оставляемъ Мы объявить во всенародно, что въ играхъ, въ торгахъ, въ промыслахъ, въ договорахъ и во всемъ прочемъ безъ изыятія, всякія обманы и отступления отъ праводушія почитаемъ Мы сущимъ воровствомъ, подлежащимъ неупуститель-

ному наказанию, предписанному законами за воровство и обманы, съ присовокуплениемъ совершеннаго омерзения и изгнания изъ честныхъ сообществъ всякаго обличеннаго въ ономъ.

14

Всякой праводушой сынъ Отечества не можетъ не согласиться съ Нами, что вкоренившимся въ Россію зловредностямъ изображеннымъ здесь суть главныя причины: 1-я, выступление почти всеобщее прожитками безпредельными изъ всей меры благословенныхъ каждому доходовъ; 2-я, произшедшая изъ того алчность къ безпредельнымъ обогащеніямъ на роскошныя жизни и ко извlechениямъ себя изъ нажившихъ роскошью пагубныхъ долговъ, перво встречающимися всякими способами по представляющимся соблазнамъ въ расхищеніяхъ государственной казны, въ мздоимствахъ съ народа и со всехъ безъ исключения, до кого только кому доходить ухищрениями удается: а какъ однимъ и другимъ изъ сихъ государственныхъ уязвленій угрожается Отечество Наше бедственными следствіями, то Мы по расточительной роскоши увещеваемъ каждому впадшему возвратиться конечно прожитками своими въ меру только годовыхъ своихъ доходовъ всею не предкновенною верою, что Мы будемъ иметь доверенности къ государственнымъ употребленіямъ гораздо предпочтительнейшему, кто по умереннымъ прожиткамъ есть добрые хозяевы въ своихъ домахъ, добрые мужья къ женамъ, добрые отцы къ детямъ и добрые господа къ своимъ слугамъ, передъ теми, кто не выдутъ и будутъ еще погружаться въ долги выше своихъ доходовъ.

15

Кто не видитъ и прискорбность не ощущаетъ, что мздоимство распространено въ любезномъ и благомъ Нашемъ Отечестве до такой степени, что оно угрожаетъ ему крайнимъ бедствіемъ, а невинный Нашъ народъ не выходитъ почти отъ онаго изъ горчайшихъ слезъ, ибо все мздоимство, съ кого бы оно ни было, падаетъ напоследокъ на невинныхъ и всегда потомъ омывающихся хлебопашцевъ и промышленниковъ, доставляющихъ всемъ вообще прокормление, то Мы и почли необходимымъ объявить въ особенности Наше Монаршее заключеніе и последующее здесь повеленіе на мздоимство.

Сколько до насъ доходить могло то о лихоимстве, окоренились между мздоимцами два разделения: одно подъ названіемъ подарки за праведные по деламъ труды, а другое уже лихоимство: но предъ Нашими глазами и въ Нашемъ Монаршемъ заключеніи все то безъ изыятія, что берется отъ другаго волочениемъ его дела, всякими разными другими притяжками и притесненіями, равнымъ образомъ угроженіями и обещаніями отъ сильнаго къ безсильному, сделанная какъ въ деле неправда, такъ произвожденіе въ чинъ и перемещенія отъ места къ месту, соделанные же къ убытку

казне всякаго рода подряды и казенныя покупки, суть во всемъ существе и формѣ государственныя воровствы и грабительство, а емлемое при наборахъ рекрутскихъ, при всякихъ государственныхъ поборахъ, работахъ и нарядахъ, сверхъ воровства суть еще государственныя уязвленія, подлежащія все оныя злодеянія непременно наказанію по предписаннымъ законамъ на государственныя воровствы и уязвленія по мере соделаннаго каждымъ чрезъ то государству зла, но безщаднаго всегда возвращенія всего пограбленнаго назадъ тому, кому что прежде принадлежало, сего ради Монаршая справедливость и востребовала повелеть Намъ чрезъ сие въ особенности, дабы каждый обличающійся совестью своею воспретилъ себе совершенно дерзать впередъ поступать на таковыя зловредныя и уязвительныя Отечеству своему и Государству лихоимства и раскаясь чистосердечно въ соделанномъ, всякой бы доставилъ письмами въ собственныя Наши руки покаяніе, отдавая оныя письма въ ближнихъ городахъ почтмейстерамъ, съ показаніемъ въ нихъ, кто съ кого за какое именно дело или за что именно жъ прочее кому самолично или чрезъ кого именно взялъ или далъ, а Мы Императорскимъ словомъ обещаемъ чрезъ сие, что кто принесетъ Намъ таковыя повинovenія, то не только не отданы будутъ къ наказаніямъ, ниже и никому отъ Насъ объявлены они не будутъ, да и по постороннимъ иногда въ ономъ обличеніямъ останутся безъ указаго наказанія; но ежели кто останется ожесточеннымъ въ своемъ сердце безъ принесенія Намъ покаянія, надъ таковыми подлежащія указы конечно воздѣйствуютъ во всей ихъ безпощадной строгости и силе, да и те самыя, кои хотя брали лихоимства не для себя, а ради господъ, или другихъ какихъ лицъ, и не принесутъ къ Намъ означеннаго покаянія, будутъ же безъ всякаго помилованія подержены подъ всю строгость законовъ.]

16

Нельзя не почестъ большимъ же государственнымъ поврежденіемъ въ общемъ благоустройствѣ и оскорбленіемъ въ службѣ вошедшій сей соблазнъ, что почти все, не только дворянство да и имущіе разночинцы проискамы или куплею вводятъ детей своихъ въ службу почти со младенчества, проискивая имъ чиновъ еще до возраста и сержантскіе, а потомъ отпуская въ полки для единственнаго вмещенія въ старшинство списковъ и къ приисканію жъ въ ординарцы къ штабъ-офицерамъ съ домогательствомъ обратнаго отпуска къ семьямъ своимъ на погруженіе въ праздную жизнь и на ожиданіе старшинства ко вступленію въ офицеры, со всемъ незнающими офицерскаго званія, и обленившимися и къ малымъ трудамъ: то кто же изъ усердныхъ Россіянь не видитъ со оскорбленіемъ, что такіе къ службѣ пронырствы доставляютъ Отечеству не заслуги, но похищеніе чиновъ и оскорбленіе какъ усердно служившихъ, такъ и самому корпусу дворянскому, потому, что ревнительно заслуживающіе чины обижаются похищеніемъ

ниемъ принадлежащихъ имъ чиновъ и изгоняются сами изъ службы повержениемъ ихъ въ подчиненство ребятамъ и незнающимъ совсемъ должностей звания ихъ, и весь корпусъ дворянскій обижаема темъ, что объявленнымъ образомъ достигающие въ ребячьихъ летахъ въ офицерскія чины и разночинскія дети вступаютъ въ право дворянское, которое принадлежитъ единственной породѣ дворянской и оказавшимъ Отечеству многіе заслуги почетнымъ разночинцамъ, а не пронырщикамъ, да и самыя дворянскія дети вступлениемъ ребятами въ офицеры безъ всякаго наученія ихъ должностей, обижаются симъ, что офицеры не следуютъ уже къ наученію должностей своихъ чиновъ, но принадлежать ко взысканію исправнаго во оныхъ совсемъ знания, то получившіе пронырствомъ юноши офицерскія чины, при самомъ семъ не строгомъ взысканіи за незнаніе своихъ должностей, тотчасъ службу по праву дворянской вольности покидаютъ и погружаясь потомъ въ пущую праздность, лень и во всю силу пороковъ, свойственныхъ молодымъ людямъ, а темъ причиняютъ какъ потерю себя самихъ, такъ и разоряютъ Отечественную службу, по такой же справедливости Мы надеемся и повелеваемъ чтобъ впередъ пресечься такими пронырствами къ похищенію чиновъ не возрастнымъ детямъ, да и нужды въ томъ никакой не будетъ, потому, что менѣе двадцати леть никто въ службу приниматься изъ таковыхъ не будутъ, особливо дворянство, которые воспитываются въ своихъ ли семьяхъ, или въ учрежденныхъ корпусахъ, въ училищахъ и университетѣ, въ наукахъ полезныхъ и способствующихъ службѣ Нашей; но по мере наученія онымъ, имеютъ таковыя приниматься прямо въ офицерскія субалтерскія чины, для того здѣсь и объявляемъ Мы, какія именно науки предпочтительней другимъ будутъ руководствовать юношеству вступать въ войско въ офицерскія субалтерскія чины прямо.

17

Поставляемъ Мы науки, пособствующіе государственному служенію, следующие на Россійскомъ языкѣ: 1-е, Читать и писать по правиламъ Грамматики Катехизисъ, четыре части Арифметики, военныя экзерциціи, пешей и кавалерійской какъ показанію темповъ, такъ и командующихъ словъ и построенію фронтовъ по изданнымъ о томъ предписаніямъ; 2-е, Геометріи, Фортификаціи съ полевыми укреплениями и съ практическими показаніями; 3-е, Гисторія и Географія послѣдняго века, съ предпочтеніемъ о собственномъ Отечестве и прилежащихъ къ нему границами постороннихъ державъ; 4-е, Разсуждать и мыслить по правиламъ Логики, на бумагѣ мысли располагать и говорить по правиламъ Риторики. Всемъ же симъ наукамъ, разделеннымъ на четыре части, почитающимся Нами собственными къ служенію Имперіи и руководствующими къ полученію при вступленіи возрастнаго уже Юношества въ военную службу прямо Офицерскихъ Субалтерскихъ чиновъ, нетъ отъ нынѣ уже отговорки, чтобъ нельзя

имъ научиться на собственномъ языкѣ, есть-ли только будутъ радельно способствоватьъ сверхъ заведенныхъ государственныхъ училищныхъ корпусовъ, публичныхъ школъ, университета, гимназей и самыхъ семинарій, не только отдавая детей своихъ въ оныхъ заведения, но приговаривая изъ нихъ для подавания уроковъ способныхъ учителей, а для военныхъ наукъ свободныхъ оберъ и унтеръ офицеровъ; Мы же таковымъ съ военными науки свободнымъ не только офицерамъ да и генераламъ благодетельствовать во ономъ юношестве собственнаго Отечества не только дозволяемъ къ Нашему собственному благоволенію, да и обещаемъ таковымъ смотря по успехамъ учениковъ и Наше покровительство и поощренье.

18

Науки чужестраннымъ языкамъ, вышней математики и всемъ прочимъ вышнимъ познаниямъ, приемлемъ Мы во особенное же Наше покровительство, и упражняющихся въ оныхъ весьма нетолько похваляемъ, да и успевающихъ съ превосходствомъ, неоставимъ конечно отличать Монаршимъ благоволеніемъ и поощрениами; но какъ сии науки больше украшаютъ самихъ себя и возвышаютъ славу сколько государственную, столько же и собственную, а способностями своими руководствуютъ на приуготовление каждому себя къ службѣ внешняго и внутренняго Министерства и на председательства при делахъ государственнаго управления, то и нельзя никакъ великому числу Дворянства настоль малое число въ Государстве оныхъ мѣсть помещаться, почему и приличныя научения чужестраннымъ языкамъ и путешествіи по чужимъ государствамъ единственно темъ домамъ, которые въ состояніи выносить потребные на то не малые издержки безъ всякаго въ капиталахъ своихъ разорения, а отнюдь не съ причиненіемъ юношеству такихъ долговъ на самое вступленіе еще только ихъ в службу, которыхъ тягость будетъ ихъ обремененіемъ своимъ принуждать не о службѣ радеть, но какъ всеми и не позволенными хотя уже способами только извлечь себя изъ долговъ.

Сочинено въ 1785-мъ году.

С. Р. ДОЛГОВА. К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

РАБОТА Н. А. ЛЬВОВА ПО ПОДГОТОВКЕ
ВТОРОГО ИЗДАНИЯ ПЕРЕВОДОВ ИЗ АНАКРЕОНА

«Стихотворение Анакреона Тийского» в переводе Н. А. Львова, напечатанное в 1794 г. в Петербурге, в корпусе чужестранных единовѣрцев,¹ остается до сих пор фактически неисследованным,

¹ Стихотворение Анакреона Тийского. СПб., 1794. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы. При цитации предисловия и